

*НАУЧНЫЕ
ТРУДЫ
МОСКОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА*

№8/2014

Рецензируемый научный журнал
Издается с 2002 года

**Издательство Московского гуманитарного университета
2014**

Главный редактор

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Редакционная коллегия

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Буренко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Винокуров Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник юстиции, старший советник юстиции, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Елисеева Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета – *ответственный секретарь*

Костина Анна Владимировна, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, декан факультета философии, культуры и искусств, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета

Крылова Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансовых и экономических дисциплин Московского гуманитарного университета

Пеньковский Дмитрий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Романюк Лариса Валерьевна, доктор педагогических наук, профессор, начальник Управления аспирантуры, докторантуры и научной работы Московского гуманитарного университета

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ученый секретарь Ученого совета, профессор кафедры социологии Московского гуманитарного университета

Сошникова Тамара Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей

Царегородцев Юрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Московского гуманитарного университета

Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ №ФС77-21885 от 14 сентября 2005 г.

Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. №8/2014. – 40 с.

© Московский гуманитарный университет, 2014

© Авторы статей, 2014

Издательство Московского гуманитарного университета

111395, Москва, ул. Юности 5, к.6.

Контактная информация редакции журнала размещена на официальном сайте:
http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

Подписано в печать 18.08.2014. Тир. 500 экз.

Редакционный совет журнала
«Научные труды Московского гуманитарного университета»

Ильинский Игорь Михайлович, доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета – *председатель*

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета – *заместитель председателя*

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета

Богданов Андрей Петрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, член Союза писателей России

Журавлев Анатолий Лактионович, член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, заведующий кафедрой социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета

Ковалева Антонина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующая кафедрой социологии Московского гуманитарного университета

Королев Анатолий Акимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета

Луков Владимир Андреевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Ситаров Вячеслав Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Родина», руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой «Искусства и гуманитарные науки» Государственного академического университета гуманитарных наук

Юдин Борис Григорьевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, директор Центра биоэтики Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета

Древняя Русь и тюркские народы в XI-XIII веках

Алексеев С.В.

Инков А.А.

Old Rus' and Turkic people in IX-XIII centuries

Alekseev S.V.

Inkov A.A.

Аннотация: Статья посвящена особенностям взаимодействия Руси с различными тюркскими племенами и государственными образованиями в IX-XIII вв.

Ключевые слова: Русь, тюрки, средневековье, кочевники, ранняя государственность.

Abstract: This paper is devoted to the peculiarities of the interaction of Russia with various Turkic tribes and polite entities in the IX-XIII centuries.

Keywords: Russia, the Turks, the Middle Ages, the nomads, early statehood.

На протяжении всей средневековой истории восточнославянских народов их соседями являлись народы тюркские – как кочевые, так и перешедшие к полuosедлому и оседлому образу жизни, как создавшие свои государства, так и сохранявшие племенной уклад. Исторический путь древнеславянских племенных союзов, Киевской и Московской Руси происходил в постоянном взаимодействии с тюркским миром. Разумеется, взаимодействие это было неоднозначным, как и любые тесные контакты между соседними и тесно связанными друг с другом народами. Однако для всех его этапов можно говорить о тесном культурном, экономическом и политическом взаимовлиянии и взаимопроникновении.

В истории славяно-тюркских политических взаимоотношений можно выделить несколько этапов, характеризующихся различным соотношением сторон (см.: Алексеев, 2009). На первом этапе (IV-VI вв.) сильные военно-иерархические предгосударственные объединения тюркских кочевников находились на более высоком уровне социальной организации, чем славянские племена. Славяне нередко входят в состав кочевнических объединений или находятся с ними в прочном военно-политическом союзе. Эта ситуация сохраняется и на следующем этапе (VI-IX вв.), когда в тюркском мире, опять же ранее, чем у славян, складываются раннегосударственные образования. Славяне входят в состав и этих государств, хотя и конфликтов в условиях начавшегося становления собственно славянской государственности становится больше.

На третьем этапе (IX-XI вв.) происходит складывание государственности у славян, в том числе восточных. В то же время глубже становится разница в социальной организации западных тюркских народов. С одной стороны, существуют сложившиеся в прошлом развитые государства оседлых и полuosедлых

тюрков (Хазарский каганат, Волжская Болгария), с другой – раннегосударственные и предгосударственные объединения кочевников (печенеги, гузы-торки, половцы-кипчаки). В XI-XIII вв. княжества Руси имеют дело, с одной стороны, с не менее развитым и стабильным тюркским государством Волжской Болгарией, с другой – с кочевническими союзами-ордами независимых от Руси половцев и зависимых «черных клобуков». В итоге в Восточной Европе складывается непростая, но цельная система международных связей славянских и тюркских государств и племен. Этот период подробно и достоверно освещен русскими летописными памятниками, подборка известий которых предлагается далее.

Наиболее тесными были связи Руси с осевшими на ее южных границах к XII в. тюркскими племенами «черных клобуков» (каракалпаков). Это племенное объединение, название которого унаследовано сложившимся уже в монгольскую эпоху современным тюркским народом, появилось именно в связи с политикой русских князей по привлечению кочевников на свою службу.

Черные клобуки – собирательное название тюркоязычных племен (торков, печенегов, берендеев), поселившихся на юге Киевщины на условиях несения военной службы в пользу киевских князей. Название «черных клобуков» не вполне ясно. Большинство исследователей сходятся во мнении, что оно могло произойти от характерного головного убора – черной шапки, которую носили эти кочевники. Несмотря на далеко зашедший процесс христианизации, черные клобуки, как и половцы, в массе своей оставались язычниками. Поэтому на Руси их обычно называли «своими погаными». Из этого с очевидностью явствует, что последнее слово не несло в себе никакого внерелигиозного негативного аспекта, являясь дежурным обозначением иноверцев-нехристиан.

Черные клобуки имели внутреннюю автономию, однако в целом, находились под жестким контролем русской княжеской администрации. Черноклобуцкая конница, организованная и тактически действовавшая по образцу половецкой, играла важнейшую роль в защите южных рубежей Руси от набегов других кочевников. Начиная с 1146 г., когда был образован Черноклобуцкий союз, черные клобуки активно включились также в русские усобицы. Поддержка ими того или иного князя нередко играла ключевую роль в захвате последним великого киевского стола. Желая подчеркнуть расположение населения к очередному претенденту на великое княжение, летописцы часто сообщают, что того поддерживала вся «Русская земля и черные клобуки». На схожем положении в русских княжествах Левобережья находились тюркские же племена ковуев. Ковуйская конница из Чернигова участвовала, например, в знаменитом походе князя Игоря в 1185 г. Противоборство с половцами на южных границах Руси было в этой связи не только – а в некоторые годы и не столько русским делом. В немалой степени оно являлось следствием и продолжением борьбы между собой собственно тюркских кочевнических объединений. Речь шла о сложном, типичном для средневековья процессе взаимодействия народов, включенных в единое политическое пространство – а не о некоем мифическом противостоянии «Леса» и «Степи».

Взаимоотношения с половцами на протяжении XI – XIII вв. оставались главным фактором внешнеполитического развития Древнерусского государства. Традиционно принято считать, что эти отношения носили исключительно враждебный характер. В период с 1055 по 1235 гг. древнерусские источники фиксируют 148 военных конфликтов между сторонами: 52 раза половцы напали на Русь, 32 раза русские князья ходили в ответные походы в степь, 64 раза кочевники участвовали в феодальных усобицах, имевших место внутри Руси (Инков, 2001: 15). Летописи буквально пестрят сообщениями о непрерывных половецких набегах на русские земли, разорении русских городов и деревень, угоне кочевниками славянского населения в плен.

Вместе с тем следует иметь в виду, что описание преимущественно военных действий типично для средневековой литературы. Древнерусские летописцы заносили на страницы своих хроник лишь те события, которые казались им наиболее важными, выходящими за рамки обычной повседневной жизни. Такими экстраординарными событиями были различные стихийные бедствия, пожары, болезни, смерть князя, строительство церкви, и, конечно, в первую очередь, войны. Неудивительно, что любой половецкий набег обращал на себя внимание летописца. В то же время отношения, происходившие как бы мы сегодня сказали на бытовом уровне, как то торговые сношения между странами или перенимание обычаев и традиций других народов, носившие постоянный повторяющийся изо дня в день характер, которые для современного исследователя представляются не менее, а отчасти и более интересными, казались летописцу малозначительными и, потому, как правило, не находили отражения в источниках.

Поэтому экономические и культурные отношения между Русью и половцами известны нам только в самом отрывочном виде. Однако нет никаких сомнений в том, что они носили интенсивный и постоянный характер.

Известно, что торговля с соседними земледельческими народами всегда играла в жизни кочевников более важную роль, чем войны. Товарообмен с земледельцами служил важнейшим средством разгрузки кочевнической экономики от перепроизводства поголовья скота и связанного с этим кризиса кочевого хозяйства. Поэтому кочевники не только никогда не уничтожали проходившие через их степи торговые пути, но и стремились к их поддержанию и развитию. Наиболее подробно по источникам поддаются изучению экономические связи предшественников половцев печенегов. О существовании оживленной торговли между кочевниками и Византийской империей упоминает в своем труде «Об управлении империей» Константин Багрянородный: Основным пунктом этой торговли был город Херсонес в Крыму, куда печенеги ежегодно пригоняли на продажу скот и табуны коней. Предметом торговли со стороны кочевников служили также продукты животноводства и рабы. В свою очередь империя поставляла в степь продукцию ремесленного производства, предметы роскоши, вино, некоторые виды оружия, которые не могла производить экономика печенегов (Константин, 1989: 153).

Не вызывает никаких сомнений, что сменившие в южнорусских степях печенегов половцы также вели широкую торговлю с русскими княжествами, лежавшими по бассейну как Днепра и его притоков, так и Оки (Якубовский, 1937: 19). Подтверждением существования этих оживленных торговых связей между Русью и половцами служат в первую очередь находки во многих погребениях кочевников продукции русских ремесленников (оружия, посуды, украшений) (Молодчикова, 1975: 94-95). Незрелость половецкого ремесла (отсутствие гончарного круга) приводила к тому, что половцы часть ремесленной продукции не только захватывали в Инабегах на Русь, но и могли получать путем торговли с русскими землями. По мнению американского исследователя Т. Нунана, на русско-половецкой границе постоянно существовали специальные рынки, куда кочевники пригоняли табуны лошадей и скот (Noonan, 1992: 313-314). В свою очередь Русь поставляла на эти рынки ремесленную продукцию и продукты земледелия.

С втягиванием половцев в орбиту влияния Руси в конце XI в. отношения между русским земледельческим населением и кочевниками значительно активизировались. Очевидно, что сведения друг о друге первоначально попадали к обоим народам через массу полоняников, которые захватывались в ходе частых столкновений между ними. Несомненно, сведения о половцах поступали на Русь и через полончанок, которые становились женами русских князей, а также через их свиту и отдельных половцев, поступавших на службу к князьям (Мургулия, Шушарин, 1998: 63). С развитием у половцев феодальных отношений, какая-то часть кочевников стала оседать на земле в непосредственной близости от русских границ. Здесь она вступала в контакт с местным земледельческим населением и, по-видимому, попадала под его сильное влияние, перенимала от него навыки земледелия и более высокую материальную культуру (Козловский, 1985: 65). Тесное соседство двух народов приводило к активному процессу смешивания населения, особенно в приграничной полосе. Между оседавшими на землю половцами и мигрировавшими на юг из Среднего Поднепровья русскими переселенцами возникали родственные связи. Однако, как показал Л. Н. Гумилев, это смешение происходило, как правило, как метисация, т.е. процесс, протекающий не на популяционном, а на организационном уровне. Дети от смешанных браков входили в тот этнос, в котором они воспитывались (Гумилев, 1994: 101). Тем не менее, смешение оказывало огромное влияние на этнический облик пограничного славянского населения. Несомненным было и обратное влияние. Широкое взаимовлияние Руси и половцев прослеживается в наличии общих некрополей, в погребальном обряде (появление у кочевников от славян могил с захоронением без коня и др.) (Моця, 1987: 123). Часть половцев, по-видимому, подвергалась процессу ославянивания. По мнению В. В. Мавродина, обрусением были охвачены довольно широкие слои половецкого населения (Мавродин, 1956: 208).

Постоянные военные столкновения между Русью и половцами приводили не только к обострению отношений между ними, но и способствовали посте-

пенному “узнаванию” ими друг друга и. их более тесному сближению. По верному замечанию В. А. Гордлевского, когда «верхушка древнерусского общества уже могла смотреть на половцев спокойно, взаимоотношения между обоими народами становились и более тесными, и более дружественными» (Гордлевский, 1947: 138). Письменные источники не оставляют сомнений в существовании в XII в. между русской и половецкой знатью близких отношений. Это сближение выражалось, прежде всего, в заключении между ними родственных связей. Русско-половецкие браки занимают особое место в системе матримониальных связей русских князей, прежде всего потому, что это были единственные браки Руси со Степью. В настоящее время известно около 10 браков русских князей с половчанками.

Несмотря на то, что отдельные русские князья занимали в отношении половцев враждебную политику (например Мономаховичи и Ростиславичи прославились как сторонники неприятия каких-либо союзов с кочевниками), даже они никогда не чуждались заключения родственных связей с ними. Половцы находились в родственных связях почти со всеми княжескими родами Руси. Частые браки на половчанках оказывали сильное влияние на антропологический облик русской знати. Так, например, рентгено-антропологический анализ скелета Андрея Боголюбского показал, что русский князь имел ярко выраженные «степные» – с большой примесью монголоидности – черты (Рохлин, 1935: 155-161). На 1/3 половецких кровей был знаменитый Игорь Святославич, воспетый в «Слове о полку Игореве».

При таких связях русской знати с половецкой неизбежно происходило формирование служилого половецкого люда и его вхождение в пестроязычную русскую дружину. Многие выходцы из степи занимали видное место в окружении русских князей. Так, половец Кунут командовал в войске Владимира Мономаха княжеской пехотой. Георгий Иванович, брат хана Шарукана, в 1159 г. ездил послом от Святослава к Изяславу Давидовичу. Известны половцы на службе у русских князей; Куман, Кулмей, Судомир Кучебич, Олбырь Шерошевич и др. О русской ориентации половецких ханов свидетельствует ношение многими из них православных имен. В источниках встречаются русские имена половцев: Данила, Глеб, Гаврила, Борис и др. О степени культурного воздействия Руси на половцев свидетельствует и то, что сыновья двух наиболее враждебных русским князьям половецких ханов Кобяка и Кончака носили русские имена Данило и Юрий.

Нельзя отрицать и обратное влияние половцев на Русь. В русские земли из Степи проникало кочевническое оружие – луки, седла, стремяна. Повсеместное распространение в XII – XIII вв. на территории Руси получила сабля (Кирпичников, 1986: 369). Хотя нельзя утверждать, что значительная роль в этом принадлежала именно половцам, русско-половецкие столкновения, несомненно, приводили к заимствованию русскими воинами образцов половецкого оружия. Например, в 1165 г. князь Василько с дружиной, по сообщению летописца,

во время захвата половецких веж «обогатиша... оружиемъ и кони» (Полное собрание, 2000: 499).

Тесное общение половцев с Русью привело к взаимному обогащению языков. В древнерусском языке сохранилось огромное количество тюркизмов, т.е. слов, в основе которых лежат тюркские корни. Конечно, не все они попали в древнерусский язык от половцев, но значительная часть их относится именно к половецкой эпохе. Тюркизмами являются прочно считавшиеся сегодня «русскими» слова – кафтан, сарафан, колпак тулуп, башмак и др. Громадное количество тюркизмов встречается в крупнейшем литературном произведении древней Руси – «Слове о полку Игореве» (см. подробнее: Менгес, 1979; Баскаков, 1985). Половецкие устные предания, такие как «Повесть об уходе орды хана Атрака в Грузию», вошли составной частью в русские летописные источники (Пархоменко, 1940: 91-93). Огромное влияние половцы оказали на русские былины (Рыбаков, 1968: 85-90; Изидинова, 1995: 94).

Таким образом, продолжавшиеся почти два столетия, со второй половины XI до конца первой трети XIII века, русско-половецкие отношения характеризовались весьма разнообразными этнокультурными связями. Тесные и оживленные связи Руси и половцев накладывали свой отпечаток и на развитие политических отношений между ними.

Несколько иной характер носили отношения Руси с единственным после падения Хазарского каганата соседним с ней тюркским государством – Волжской Болгарией. Обе стороны стремились к добрососедству и взаимовыгодным торговым связям. Это находило отражение в регулярном функционировании волжского торгового пути и заключении ряда дружественных договоров. Первый из них был утвержден при князе Владимире Святом в 985-986 гг., после удачной для Руси войны, – от достижений в которой Владимир благоразумно отказался, рассудив, что подчинение соседнего развитого государства невозможно, а мир с ним полезен. Религиозное различие, закрепившееся с принятием Русью христианства (именно волжские болгары вместе с хорезмийцами представляли «мусульманскую альтернативу») не привело к отчуждению. Отношения оставались в целом прежними, преимущественно мирными и добрососедскими. Правда, в отличие от половецкой, волжско-болгарская знать теперь не могла родниться с русской. До этого дело обстояло иначе – последняя языческая жена Владимира, «болгарыня», мать святых князей-мучеников Бориса и Глеба, скорее всего, связана происхождением именно с Волжской Болгарией, а брак этот являлся частью переговоров 985-986 гг.

Конфликты между Русью и Волжской Болгарией, естественно, возникали и после «вечного» мира при Владимире. Связаны они были не столько с непосредственными интересами двух государств, сколько со столкновением их естественной территориальной экспансии в землях финно-угорских племен Среднего Поволжья. Войны преимущественно были тривиальными средневековыми конфликтами – кратковременными и преходящими, за которыми следовало восстановление мирных политических и торговых связей. Волжская Бол-

гария не относилась к числу постоянных внешнеполитических противников Руси. Отношения с ней, пусть не всегда дружные, вполне укладывались в алгоритм стабильных отношений с ближним соседом, большую часть времени союзником. В основном, как можно видеть, между русскими княжествами и Волжской Болгарией царил нерушимый и действительно полезный для обеих сторон мир.

Список литературы:

- Алексеев, С.В. (2009) Славянская Европа V-VIII вв. М.:
- Баскаков, Н.А. (1985) Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.:
- Гордлевский, В.А. (1947) Что такое «босый волк»? // Известия отдела литературы и языка АН СССР. Т. VI. Вып. 4. М.:
- Гумилев, Л.Н. (1991) Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.:
- Изидинова, С.В. Половцы: Мифы и исторические реалии. Севастополь:
- Инков, А.А. (2001) Древняя Русь и половцы во второй половине XI – первой трети XIII века. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Саранск:
- Кирпичников, А.Н. (1986) Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX – XIII вв. Мечи и сабли IX – XIII вв. // Злато слово. Век XII. М.:
- Козловский, А.А. (1985) Этнический состав оседлого населения Южного Поднепровья в IX – XIV вв. // Земли Южной Руси в IX – XIV вв. (история и археология). Киев:
- Константин Багрянородный (1989). Об управлении империей. М.:
- Мавродин, В.В. (1956) Очерки истории СССР: Древнерусское государство. М.:
- Менгес, К.Г. (1979) Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.:
- Молодчикова, И.А. (1975) К вопросу о торговых связях Киевской Руси с кочевниками // Новейшие открытия советских археологов. Ч. 3. Киев:
- Моця, А.П. (1987) Население Среднего Поднепровья IX – XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев:
- Мургулия, М.П., Шушарин, В.П. (1998). Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII – XIII вв. М.:
- Пархоменко, В. А. (1940) Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. М.; Л.:
- Полное собрание русских летописей (2000). Т. II. М.:
- Рохлин, Д.Г., Майкова-Строганова, В.С. (1935) Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского // Проблемы истории докапиталистического общества. №9 – 10. М.:
- Рыбаков, Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.:
- Якубовский, И.А. (1937) Дешт-и-Кипчак (Половецкая степь) в XI – XIII вв. до прихода монголов // Золотая Орда. Л.:
- Noonan, T.S. (1992) Rus' Pecheneeqs, Polovtsy: Economic integration along the Steppe Frontier in Pre-Mongol Era // Russian History. Т. 19. №1 – 4.

Алексеев Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета», председатель Историко-Просветительского общества «Радетель».

Инков Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета.

Alekseev Sergey Viktorovich – Doctor of Science (history), Professor, Head of the History Department of the Moscow University for the Humanities, the chief editor of the journal «Studies of the Moscow University for the Humanities», Chairman of the Historic-Educational Society “Radetel”.

Inkov Alexander Alexandrovich – Candidate of Science (history), Assoc. Prof., associate professor of History Department of Moscow University for the Humanities.

Новгородская Русь
Плотникова О.А.
Novgorod Rus'
Plotnikova O.A.

Аннотация: Статья посвящена началу русской государственности. Автор предпринимает попытку критического рассмотрения летописного «Сказания о призвании варягов», а также некоторых общеизвестных исторических стереотипов и причин вызвавших их к жизни.

Ключевые слова: легендарные князья Рюрик, Олег, Игорь, династический принцип, ветхозаветная традиция, Повесть временных лет, «Сказание о призвании варягов», мировоззренческая концепция, завоевательная политика, государственность.

Abstract: The article is devoted to the beginning of the Russian statehood. The author attempts a critical review of the annalistic "the Legend of the calling of the Varangians", as well as some well-known historical stereotypes and the reasons which caused them to life.

Keywords: the legendary Princes Rurik, Oleg, Igor, dynastic principle, an Old Testament tradition, the Tale of Bygone Years, "the Legend of the calling of the Varangians", worldview concept, aggressive policy, statehood.

Долгое время в исследованиях начал русской государственности многие ученые, как норманисты, так и антинорманисты, исходили из единых методологических позиций: идеалистического представления о возможности создания государства одним лицом или группой лиц. Это обусловило подмену проблемы происхождения государства вопросом о происхождении его названия, о чем настойчиво писал еще В.О. Ключевский. (Ключевский, 1983: 114). Именно поэтому и в марксистской науке признание скандинавской этимологии названия Древнерусского государства неизбежно вело к утверждению приоритета скандинавов в самом его формировании. Однако уже в советской историографии (50-60-е годы) укоренилась концепция, в соответствии с которой возникновение Древнерусского государства стало возможным в результате развития внутренних социально-экономических процессов, а не благодаря вмешательству скандинавов. Под определенным влиянием этой концепции в эти же годы в зарубежной историографии наметился пересмотр взглядов на образование Древнерусского государства, и изменилась сама оценка роли скандинавов в этом процессе, а обсуждение славяно-скандинавских связей стало более объективным. В отечественной историографии и в наши дни продолжают соперничать две концепции происхождения Русского государства, – одна из них – южная, придававшая первостепенное значение в этом процессе Киеву, а другая – северная, отдававшая предпочтение Новгороду. При этом мало кто из ученых уделял внимание тому очевидному факту, что социально-экономические и политические предпосылки развития восточных славян должны были в итоге привести к

образованию в VIII-IX вв. на территории Среднего Поднепровья и Поволховья независимо друг от друга двух центров зарождения русской государственности – северного со столицей в Новгороде и южного со столицей в Киеве. Что, собственно, и произошло, и получило бы свое дальнейшее развитие, если бы не легендарный поход Олега, о чем будет сказано ниже.

Для нас представляет интерес сам процесс рождения и дальнейшего развития легенды. Остановимся здесь на происхождении южной легенды зарождения Древнерусской государственности. Южная концепция начала оформляться еще в средневековье (см.: Плотникова, 2010), что было связано, в первую очередь, с влиянием официальных представлений о власти московских государей, по легенде восприемников власти унаследованной Рюриком от Августа – римского императора (эта родословная, как известно, обнаруживается в «Сказании о князьях Владимирских» и в «Книге степенной царского родословия»); и восприемников киевского наследия, – в частности, «Мономахова венца». Также сказывалась историческая обстановка конца XV-XVI вв. – борьба московских правителей против новгородского сепаратизма, завершившаяся походом Ивана Грозного в 1570 году на Новгород и ликвидацией независимости последнего. В результате на страницах московских летописных сводов Киев стал «матерью» всем землям Русским.

Попробуем посмотреть на проблему образования Древнерусского государства несколько иначе, чем это принято в рамках той или иной исторической школы. И начать исследование, на наш взгляд, стоит с выяснения вопроса о роли Рюрика и его легендарных «потомков» в процессе образования Древнерусского государства. Информация о призвании князя «из-за моря» или «Сказание о призвании варягов» («Сказание»), с некоторыми разночтениями, обнаруживается в начальной части старших списков русских летописей – Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзиловской, Новгородской I, Троицкой («Повести временных лет» (ПВЛ)). Другие источники, в том числе и иностранные, ничего не сообщают о данном факте. Из чего можно заключить, что о «призвании» либо ничего не было известно, в частности, иностранцам, либо сам факт «призвания» являлся рядовым явлением, не заслуживающим внимания.

На данном этапе нам необходимо найти реперные точки, на основании которых и будет построено исследование. Одной из таких точек является то, что некий датский князь Рюрик-Рёрик, выходец из средней Швеции, вместе с дружиной в конце IX в. обосновался в северных княжествах восточных славян, при этом дружинники были размещены сразу в нескольких городах, которые имели важное стратегическое значение. Здесь стоит подробнее остановиться на Рюрике в традиции его отождествления с Рёриком.

Как известно из западноевропейских анналов, в 857 г. князю Рёрику удалось добиться части Датского королевства на берегу Балтийского моря, но удержать свое новое владение он не смог и вынужден был бежать из Дании в Среднюю Швецию, скорее всего, в столицу Бирку, где предположительно Рёрика и встретило посольство от славян (858 г.). Например, А.Н. Кирпичников,

отожествляя Рёрика с Рюриком, также отмечает его датскую принадлежность, с чем ученый связывает и датскую планировку города Ладоги, при этом допуская, что на Русь Рёрик отплыл из Средней или Южной Швеции, а затем обосновался в Ладоге (см.: Кирпичников, 1997). Такой контекст событий подтверждает достоверность известия «Сказания» о призвании князя «из-за моря». В этом призвании можно усмотреть и особый политический смысл, который заключался в попытке избежать прежних даннических отношений со свеями-шведами.

На основании археологических данных можно говорить о том, что во второй половине VIII – начале IX в. у славян Восточной Европы появились заимствованные из Западной Европы односторонние составные гребни, привезенные преимущественно из городов Балтийского региона и, возможно, Фризии. Это подтверждает тот факт, что между Швецией и восточными славянами действительно велись активные торговые связи (см.: Кондратьева, 1997). Еще одним подтверждением тесных внешнеэкономических связей являются археологические находки фризской керамики, обнаруженной в Бирке, Ладоге, а также во всем Балтийском регионе вплоть до Волхова, что также говорит о высокой активности фризских купцов в этот период (Корзухина, 1971: 123-133).

Итак, возвращаясь в текст «Сказания», можно заключить, что в середине IX века восточнославянские племенные союзы словен и кривичей, а также чудь и меря платили обременительную дань варягам, приходившим из-за «Варяжского моря», но в 862 году им удалось освободиться от дани. Однако изгнание варягов не решило всех проблем, – «въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не беша в нихъ правды» (см.: ПСРЛ, 1997: 19; ПСРЛ, 1998: 14). Некоторые историки упоминают о князе Гостомысле, пользовавшемся у сородичей большим авторитетом и известном нам по описаниям иностранцев. Возможно, что после смерти этого князя, не найдя достойной кандидатуры среди своих, племенные старейшины приняли решение обратиться к скандинавам, – что, кстати, было распространенной в те времена практикой, так как скандинавы считались лучшими воинами в тот период. Стоит отметить, что по этому вопросу также существует несколько разных точек зрения. Не вдаваясь в подробности, обозначим их концептуально. Итак, возможно, имело место быть уже упомянутое приглашение на княжение со ссылкой на то, что «порядка среди нас нет»; или – военное вторжение скандинавов с целью захвата земель славян северных протокняжеств; или – договор с варяжским князем на охрану границ. С последней концепцией солидарен и автор. Конечно, при этом необходимо учитывать легендарный характер ПВЛ, что давно является общеизвестным фактом, – особенно, в той ее части, которая относится к началу образования Древнерусского государства. Именно поэтому данные летописца нуждаются в тщательной верификации. Однако, несмотря на легендарность «Сказания», некоторые сведения представляются вполне правдоподобными и даже подтверждаются археологически.

Теперь постараемся рассмотреть некоторые элементы «Сказания» более подробно. Как указывает летописец, Рюрик пришел править к словенам вместе

с некими Синеусом и Трувором. Современному историку очевидно, что Синеус и Трувор, – это легендарные личности, которые вместе с Рюриком представляли распространенную фольклорную триаду – «три брата». Основой легенды могли послужить как фольклорные традиции, так и богословские. Известно, что для написания ПВЛ летописец активно привлекал Священное писание, а именно ветхозаветные тексты, одним из которых является рассказ о разделении земли между сыновьями Ноя – Симом, Хамом и Афетом. Та же аналогия прослеживается при описании жизни и деятельности трех братьев Кия, Щека и Хорива. Правда, в данном случае упоминается их сестра Лыбедь, что делает эту легенду еще более запутанной, чем в случае с Рюриком. Можно предположить, что символичность цифры «три» для летописца была связана не только с фольклорными и ветхозаветными параллелями, но и с христианской традицией почитания триединого Бога или Троицы. Как известно, символизм, связанный с указанной традицией, получил широкое распространение в Европе периода средневекового гуманизма. Возможно, он и был воспринят русским летописцем. Важно также и то, что летописный рассказ о посадении мифических Синеуса в Белоозере, а Трувора и Изборске, несмотря на свою легендарность, позволяет определить зону расположения части дружины Рюрика – Ладога, Белоозеро, Изборск. Эти города являлись пограничными городами северных протокняжеств и имели важное стратегическое значение. Таким образом, сам факт размещения в них Рюрика и дружины, на наш взгляд, только подтверждает версию о приглашении князя Рюрика с целью обороны границ.

Некоторые историки долгое время, основываясь на летописных данных, видели в Синеусе и Труворе братьев Рюрика. Интересную и противоположную данным догадкам версию высказал А.А. Куник, который считал, что имена Синеус и Трувор были вымышлены летописцем и возникли в результате буквального перевода древнешведских слов «sine hus thru varing», что означает «с домом и дружиной» (см.: Куник, 1862). Однако, специалисты по скандинавистике считают эту версию маловероятной и указывают на то, что приведенные летописцем личные имена встречаются в скандинавских источниках.

Некоторые исследователи отмечали значительное смысловое совпадение летописного «Сказания» с цитатой из сочинения «Деяния Саксов» немецкого историка Видукинда Корвейского, в которой бритты обращаются к трем братьям саксам – Лоту, Уриану и Ангуселю – с предложением о передаче им власти над собой: «Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, готовы вручить вашей власти...» (см.: Видукинд Корвейский, 1975). Этот факт говорит о том, что летописец мог пользоваться приведенным сочинением с целью перенесения определенных клише в свое произведение. Однако доказательств правдоподобности обращения бриттов к саксам также не обнаруживается, и оно также является всего лишь легендой.

Для летописца, как мы видим, основной задачей было объяснение читателю – «откуда есть пошла земля Русская...». Именно поэтому текст изобилует аналогиями из Священного писания – проблема того стоила. Очевидно, что ле-

тописец явно подчеркнуто возвышает родословную Рюриковичей, объясняя при этом, что свое начало Русь взяла от земли Новгородской. Само упоминание в «Сказании» о том, что Новгородская земля стала первой называться землей Русской, не случайно. Здесь опять просматривается аналогия с ветхозаветными событиями – несмотря на то, что Новгородская земля стала первой называться землей Русской, все-таки Новгород уступил свое первенство Киеву, т.е. Благодати. Подобный сюжет описан в библейской истории: Моисей, принеший людям Закон Божий, уступает свое первенство Христу – истинной Вере и Благодати.

Надо заметить, что эта идейная линия, заложенная в «Сказании», – возвышение статуса русских князей, а вместе с ними и всей Земли Русской, – в первую очередь посредством ветхозаветных аналогий прослеживается по всему тексту Повести временных лет. Так, например, Киев не раз отождествляется с Градом Божьим, с Иерусалимом, Римом и Константинополем. Летописец поясняет эти аналогии тем, что именно Киев по воле Владимира крестился первым среди городов русских, а это имело немаловажное значение для всей христианской ойкумены. Не вызывает сомнений, что библейский сюжет «Закон – Благодать» был перенесен летописцем и на города русские, и на русских князей. В Священном Писании Закон отождествляется с Моисеем, давшим 10 заповедей, а Благодать с Иисусом Христом. Иларион поясняет этот фрагмент Писания так: «Закон отошел, а Благодать и Истина всю землю наполнили...» – читаем в «Слове о Законе и Благодати». Еще одна популярная аналогия из ветхозаветной истории – это рассказ об Исаве и Иакове. В библейской традиции Исав (как и Измаил), обладающий правом первородства, олицетворялся с Моисеем, давшим людям Закон Божий, а Иаков отождествляется с Новым Заветом и Благодатью, которая снизойдет на людей через Иисуса Христа. Однако Иаков рожден был вторым, но стал первым. «Ибо Закон – предтеча и слуга Благодати и Истины, Истина же и Благодать – служители Будущего Века, Жизни Нетленной», – пишет Иларион (Иларион, 1990: 116).

Для того чтобы понять летописца нам надо немного углубиться в Священное писание. Как известно из ветхозаветной истории, Авраам родил Измаила, от рабыни Агари, по наставлению жены Сарры, которая была бесплодна. Однако под конец жизни Сарры Господь даровал ей ребенка, который был наречен Исааком. После рождения сына от законной жены Авраам изгнал Измаила вместе с его матерью – Агарью в пустыню. По завету Господа от Измаила родилось 12 князей, от которых, по средневековым представлениям, произошло поганое племя, принесшее много бед и в конце концов «заклепное» Александром Македонским в горах. У Исаака родилось два сына, старший из которых был назван Исавом, а младший – Иаковом. Исав родился первым, но продал за чечевичную похлебку право первородства Иакову. От Исавы также пошли неверующие племена.

У Иакова было 12 сыновей – 12 патриархов, от которых произошли 12 колен Израилевых и сам Иисус Христос. В Священном Писании число 12 вооб-

ще является сакральной цифрой – 12 сыновей у Иакова, причем каждое имя символизирует свойство одного из 12 драгоценных камней, 12 камней было поставлено Моисеем у Жертвенника перед Синаем, что являлось олицетворением 12 колен Израилевых, 12-ю драгоценными камнями украшена риза первосвященника, символизируя 12 апостолов избранных Христом, 12 ворот по числу колен Израилевых было в стенах небесного Иерусалима, явленного Иоанну Богослову, и основание этой стены было опять-таки украшено 12 драгоценными камнями, и т. д. (см.: Данилевский, 1993).

Теперь вернемся от размышлений о ветхозаветных параллелях в ПВЛ к фигуре самого Рюрика. Важно отметить, что по данным Новгородской I, Лаврентьевской и Троицкой летописей, местом, куда прибыл князь Рюрик, был Новгород. Однако здесь надо учитывать, что в указанный период (862 г.) Новгорода еще не существовало. По данным археологических источников, Новый город или Новгород появился только в середине X века. Несмотря на указанный факт, 862 год представляет для исследователей определенный интерес, так как указанная дата косвенно подтверждается археологическими данными. Так, в двух километрах от Новгорода археологами было обнаружено городище, впоследствии, уже в XIX в., названное Рюриковым. По убеждению, Е.Н. Носова, проводившего раскопки на Городище, оно возникло как раз в конце VIII – середине IX века, а его вещевой комплекс, в первую очередь, военное снаряжение и одежда, имел ярко выраженную скандинавскую окраску, что свидетельствовало о присутствии здесь варягов, однако не подтверждает присутствие Рюрика. Городище имело крайне выгодное месторасположение, так как его территорию со всех сторон защищали водные рубежи (Носов, 1990: 189).

Ипатьевская и Радзивилловская летописи называют Ладогу местом, куда прибыл Рюрик. В Ладоге также, как уже указывалось, был обнаружен археологами скандинавский вещевой комплекс, что, конечно, также со всей вероятностью не может служить аргументом в пользу того, что именно здесь расположился Рюрик с дружиной. Однако исходя из того, что Ладога являлась пограничным городом и основным торгово-ремесленным центром северо-запада Восточной Европы, размещение здесь дружины было рациональным выбором, – конечно, если задача князя и его дружины заключалась в охране границ северных княжеств. На наш взгляд, вопрос о резиденции Рюрика по-прежнему остается открытым.

Теперь постараемся в общих чертах понять суть приведенного в летописи «Сказания». Из летописного текста известно, что приглашали князя Рюрика северо-западные племена славян – словене и кривичи, а также чудь и весь, – т.е. северные племена, вероятно, к началу IX века представлявшие собой некий союз племен или протокняжеств. Интересно то, что эти племена, как указывает летописец, впоследствии стали называться Новгородской землей, а затем Русской землей. Здесь вызывает некоторые сомнения чудь, но летописец упорно объединяет ее с остальными под общим понятием «новгородцы» – «а новгородцы, бывшие словене от рода варяжского».

На данном этапе исследования обратимся к изучению вариаций смысловой нагрузки «Сказания». Наиболее близкая автору версия характеризует факт приглашения северными племенами князя из-за моря не в качестве князя-правителя, что вообще на данном этапе развития славянского общества было в принципе невозможным, а в качестве стража границ. Стоит отметить, что у словен на этапе родоплеменных отношений верховная власть племени или союза племен принадлежала общему собранию, а не старейшине, князю или жрецу. Еще Прокопий Кесарийский в своем сочинении «Война с готами» отмечал, что племена славян не управлялись одним человеком, но издревле жили в народоправстве (Прокопий Кесарийский, 1988: 106-109). Несколько иные сведения получаем у арабского историка и географа X века Масуди, который сообщал нам о славянских племенах, их расселении и о царе племени Валинана – Маджаке, которому в древности подчинялись все прочие славянские племена. Здесь, вполне вероятно, речь идет о некоем племенном союзе, в котором князем был выбран некий Маджак, однако о функциях князя этого Масуди нам ничего не сообщает. А вот Феофилакт Симокатта упоминает уже другого славянского вождя – Ардагаста, который распространил свое господство на целую страну (Феофилакт Симокатта, 1946: 263). Здесь надо учитывать некоторую ошибочность представлений иностранцев о славянах вообще. Иностранцы исходили из существующего у них знания об общественных отношениях в своих странах, – отметим, весьма отличных от тех принципов развития общественных отношений, которые существовали у славян на ранних этапах становления протокняжеств. Таким образом, нам нельзя рассчитывать на беспристрастную оценку без влияния уже сложившихся стереотипов. Наиболее близок к пониманию славянского общества оказался Маврикий Стратег, который видел в них серьезную угрозу для Византийской империи, в связи с чем рекомендовал византийскому правительству считаться с многочисленными славянскими вождями, привлекать подарками и обещаниями тех из них, кто находится поближе к границам, и при их помощи громить других славянских и антских вождей (Маврикий, 1969: 255-256). Красивую легенду об обладателе прекрасных кольчуг описывает арабский географ Ибн-Русте (X в.). Он называл князя славян «свиет-малик». Возможно, это значит – светлый князь. Большая часть приведенных сведений, как бы они ни были убедительны, относится к VI – началу VII вв., и за три столетия общественные отношения славян, так же, как и властные институты претерпели серьезные изменения.

Однако еще в VIII – IX вв. все вопросы решались коллегиально, т.е. на общем собрании. На общем собрании избирался как старейшина, так и князь, при этом основной задачей старейшины было решение хозяйственных вопросов, а князь судил, занимался сбором дани и охраной границ. Как известно у славян не наблюдалось совмещения функций в правящей элите, как это было, например, на Востоке. Каждый выполнял свой функционал, причем наибольшим авторитетом в языческом обществе пользовался все-таки жрец, затем – старейшина, так как именно он распределял и перераспределял общинную соб-

ственность, последним в этом ряду был князь. Как уже говорилось, князь и его дружина не всегда выбирались из сородичей, в VII – IX вв. у славян существовала практика приглашения наемников-воинов из других племен. Эта практика в дальнейшем перерастет в традицию.

Здесь стоит привести суждение выдающегося исследователя В.Л. Янина, которое правда относится к более позднему периоду, однако достаточно информативно в рамках нашего исследования. Итак, Янин утверждает, что «у наемного князя на первых порах не было права сбора дани». В подтверждение своему суждению историк приводит договор Новгорода с князем (1264 г.): «А волостии ти княже, новгородскихъ своими мужи не держати, нь держати мужи новгородскими; а даръ от тех волостии имати» (см.: Янин, 2001). Как видим, эта «первая пора» продлилась достаточно долго.

Забегая вперед, хотелось бы заметить, что как только князь перестает быть наемником – он становится хозяином и постепенно устраняет соперников, сначала в лице старейшин и жрецов, потом в лице веча, а немного позднее, в период когда князь уже примерил царский титул и высокий статус Богоизбранного помазанника – он устранит и церковь, и станет полновластным и единственным господином для своих подданных на всей необъятной территории централизованного Русского государства.

На наш взгляд, еще более убедительным доводом в пользу суждения против княжеского полновластия на тот период служат археологические данные. Так, в пределах современной Новгородской области археологами (экспедицией руководил В.Л. Янин – О.П.) были обнаружены замки – предметы в виде деревянного цилиндра с двумя взаимопересекающимися каналами, один из которых снабжен неизвлекаемой пробкой с надписями – «емцы» и «мечники» (княжеские чиновники, собиравшие с населения государственные доходы). На этих предметах также встречаются геральдические княжеские знаки и изображения меча – символа «мечника», а также упоминания пунктов сбора дани. На некоторых из них встречается слово «мех» (мешок) в контексте «мех мечника». Ученым стало известно, что эти предметы служили замками для запираения в мешках собранных государственных доходов и одновременно бирками, на которых указывалась сумма содержащихся в мешке ценностей, их назначение (в казну или сборщику податей, которому, согласно «Русской правде», следовал определенный процент), а иногда обозначалась податная территория. Из снабженного таким замком мешка ничего нельзя было украсть, не разрезав мешок или пропущенную через замок веревку, либо же не расколов цилиндр. Подчиненное положение князя доказывает тот факт, что отрезанные от мешков бирки «емцов» и «мечников», то есть княжеских чиновников, были обнаружены не на территории княжеских резиденций, а в усадьбах знатных новгородцев, из рода которых происходили знаменитые политические деятели XII-XV столетий. Иными словами, как убедительно доказал В.Л. Янин, князь собирал дань в пользу местной знати, а себе и дружине оставлял небольшую часть от собран-

ного – дар, что являлось вознаграждением за службу. На юге такой способ сбора дани назывался «полюдьем» (см.: Янин, 2001).

Отношение Новгородской знати к киевским князьям, а затем русским царям было очень сложным, что хорошо видно по летописным данным. Однако статус самого института князя уже в IX- X вв. значительно возрос, о чем свидетельствует наличие у князя своей резиденции, печати, аппарата чиновников. При этом по наиболее значимым вопросам, к таковым, например, относился вопрос войны и мира, князь не мог принимать решения самостоятельно. Вопрос решался на общем собрании – вече и обязательно обсуждался со старейшинами, данный факт хорошо подтверждается летописным материалом.

Так же хорошо известно, что Новгород, не являясь столицей Древнерусского государства, долгое время по не совсем ясным причинам сохранял экономическую и политическую независимость от Киева, и подчинить центральной русской власти его удалось только в 1570 году. Здесь, конечно, правильнее говорить уже о самом Новгороде, потому как в неравной войне самостоятельность северных земель в целом все же была узурпирована, а в XVI веке пал последний ее оплот.

Возвращаясь к началу разговора о Рюрике, можно предположить, что Рюрик с дружиной действительно был нанят старейшинами из северных земель по общему решению племен, с целью защиты от южных соседей. Именно поэтому Рюрик обосновывается в пограничном городе Ладоге, и естественно, про его наследников в действительности ничего не известно летописцу. Связано это с тем, что должность князя была выборной, а не наследственной, и поэтому наличие или отсутствие у князя потомков не имело совершенно никакого значения.

Возвращаясь к «Сказанию», отметим, что приглашение на службу скандинавского князя с хорошо обученной и вооруженной дружиной, вероятно, было обосновано серьезной внешней угрозой, и эта угроза исходила именно от южных соседей. По крайней мере, известный факт о походе руссов на Константинополь, предпринятом по летописным данным в 860 году, отчетливо демонстрирует военное преимущество юга. Стоит заметить, что до Олега северные протокняжества не предпринимали подобных походов.

Некоторые исследователи считают, что поход руссов на Константинополь связан с дружинниками из войска Рюрика – Аскольдом и Диром. Данное предположение, на наш взгляд, полностью безосновательно по ряду причин. Во-первых, появление Рюрика в северных землях, как правило, датируется серединой 60-х годов. Очевидно, что приглашенному князю необходимо было заняться строительством укрепленного поселения и размещением своих дружинников в пограничных городах, на что, естественно, требовалось время. Во-вторых, сложно представить себе в средневековье таких отчаянных дружинников, которые самостоятельно без своего князя и вечевого решения рискнули бы предпринять поход на Константинополь-Царьград – столицу христианского мира и форпост военного искусства. Для подобного похода как минимум потребова-

лось бы многочисленное и хорошо обученное войско, обозы с провизией, отличное знание географии и картографии, искусства мореходства и судостроительства. На наш взгляд, организация такого похода была не под силу рядовым дружинникам.

Рассмотрев в некоторых чертах роль князя в древнеславянском обществе, а также образ князя Рюрика, перейдем к рассмотрению не менее значимой и легендарной фигуры нашей истории – князя Олега, по поводу которого все еще не утихают споры. Итак, в соответствии с летописной версией князь Олег в 882 году (датировка условна – О.П.) присоединил Киев, что стало завершающим этапом в объединительной политике юга и севера и одновременно началом русской государственности.

В основе всех споров, касающихся Олега, лежит один сакраментальный вопрос – в каком родстве Олег состоял к Рюрику и Игорю. Опять-таки, если не придерживаться общепризнанных стереотипов, то ответ напрашивается весьма банальный – да, не в каком родстве Олег не был ни с Рюриком, ни с Игорем. Рюрик, Олег и Игорь – это всего лишь скандинавские наймиты, приглашенные северными протокняжествами на военную службу. Отдавая дань справедливости, стоит отметить, что указанные князья оказались весьма удачливыми, если народная память по сей день бережно сохранила их образы. Данное предположение рушит веками выпестованную легенду о династии Рюриковичей. Справедливости ради надо заметить, что династический принцип правления в полном смысле этого слова, сложился на Руси достаточно поздно, и связан он совсем с другой династией, – династией Романовых.

Очевидно, что в период становления молодому Русскому государству легенда о династии была просто необходима. Так как Европа, Запад и Восток к XII веку, условному времени составления летописцем ПВЛ, уже могли похвастаться прославившимися на весь мир династиями, можно даже сказать, что история того или иного государства измерялась великими династиями. Для приобщения к этому мировому сообществу великих династий требовалась легенда о не менее великой династии Русской державы – и она появилась. И как мы видим, успешно была развита в дальнейшем и процветает до сих пор. Здесь интересно заметить, что многие исследователи ошибочно полагали и полагают, что без династии нет государства. Однако как мы убедились на историческом опыте становления своей страны – это не так.

Но сейчас вопрос не столько о легендарном характере династии Рюриковичей, сколько в уяснении проблемы противостояния юга и севера восточнославянского общества и его результатов. Здесь все-таки еще раз хотелось бы подчеркнуть справедливость марксистско-ленинской теории о создании государства благодаря социально-экономическим и политическим предпосылкам, а не по воле отдельно взятого лица или группы лиц.

Образование государства – это всегда длительный и трудоемкий процесс, сопряженный с ростом производительных сил, развитием культурно-нравственных и духовных критериев, расширением международных связей,

развитием законодательной и судебной деятельности, ростом общественных и политических институтов в их взаимодействии. И уж точно этот процесс никак нельзя вместить в один год, в нашем случае в 882-й, и обозначить его годом рождения Древнерусского государства, при этом сделав достоянием одного лица, по легенде – князя Олега.

Вероятно, уже в период княжения Рюрика северные протокняжества приступили к подготовке крупномасштабного похода на юг, – первым форпостом был Киев, конечной целью этой войны стал Константинополь. Подобного масштаба экспансия не могла быть идейным планом варяжского наймита Олега. Этот поход был хорошо подготовлен и вероятно, являлся продуманным решением верхушки северного племенного союза, – в ином бы случае он просто бы не закончился победой. Идея империи витала в воздухе.

Стоит заметить, что дорого от Ладоги до Киева составляет около 1600 км, а от Новгорода до Киева чуть более 1100 км. Если взять в расчет, что войско отправлялось из Новгорода, при этом с вооружением преодолевая примерно по 7 км в день, то это расстояние могло быть преодолено примерно за 5 месяцев. По данным летописца в Киеве Олег оказался в 882 году, а в Константинополе, до которого от Киева еще 1500 км. только в 907 (первый поход Олега на Константинополь), т.е. через 25 лет после присоединения Киева. Неизвестно, сколько Олегу было лет к этому времени, но по указанию летописца он скончался в 912 году, и в Киеве стал княжить Игорь. После короткого упоминания о кончине Олега и о том, что умер он от коня своего и могила его в Ладоге об Олеге летописец и вовсе забывает, хотя это достаточно странно, если учитывать, что по версии самого же летописца Олег являлся создателем Русского государства. Очевидно, что авторитет Олега явно преувеличен и это является частью замысла, но когда с помощью образа Олега одна из повествовательных задач уже решена, к этому образу можно и не возвращаться. Это предположение подтверждает также факт вымышленного количества лет правления в Киеве Олега, которое равняется 33-м годам (ср.: Алексеев, 2000). Эта цифра была связана с 33-х летним периодом правления царя Давида в Иерусалиме. Здесь мы опять-таки наблюдаем ветхозаветную параллель с целью возвышения статуса русской династии. Однако, разговор о ветхозаветных параллелях в ПВЛ не является задачей нашего исследования, поэтому мы опять вернемся к южному походу.

Не трудно предположить, что южный поход стоил больших усилий, и завоевание Киева отнюдь не далось так легко, как указано в летописи. И явно это завоевание не могло завершиться через год и даже через несколько лет, так как южные князья, как мы уже выяснили, представляли собой очень сильного противника. Если все-таки придерживаться летописных датировок, то, как уже указывалось, между завоеванием Киева и первым походом Олега на Константинополь прошло 25 лет. Даже если эта цифра не совсем точна, мы знаем, что после смерти Рюрика в 879 году и до 907 года прошло действительно немало времени, и вполне вероятно, что именно в этот период северные протокняже-

ния завершили подготовку и приступили к реализации южной экспансии. Также понятно, что взяв первый форпост, Киев, Олег далеко не сразу решился на заключительный этап – поход на Константинополь.

Еще одним спорным вопросом остается вопрос о том, в чью пользу Олег собирал дань, обосновавшись в Киеве. На этот счет существует несколько точек зрения – в свою пользу, в пользу киевской аристократии, бывших племенных князей, в пользу новгородской аристократии. К сожалению, по данному вопросу, как и по многим другим, касающихся начал древней государственности на Руси, так и не найдено однозначного ответа. Однако бунт древлян, произошедший уже при Игоре и ярко описанный в летописи, косвенно свидетельствует о том, что все-таки южные земли, – точнее, аристократия этих земель, – были ущемлены в правах, что и вызвало бунт. Сам факт убийства князя иллюстрирует еще и тот факт, что на тот момент времени князь еще не был сакральной фигурой, а кара, последовавшая после бунта, наглядно подчеркивает силу новой власти и значимость новых порядков, а также зависимое положение бывших южных протокняжеств.

Таким образом, получается, что Игорь собирал дань либо в свою пользу, либо в пользу знати, но явно не южных княжеств. Здесь стоит отметить, что из указания летописца на то, что Олег дважды собрал дань с древлян, отнюдь не следует, во-первых, что это вообще так, а во-вторых, что собрал он ее в свою пользу. Дань могла уйти и в Новгородские княженья к местной знати.

Очевидно, что Новгородской Руси будет посвящено еще немало слов современных историков способных без условностей и стереотипов увидеть самобытную историю Земли Русской.

Список литературы:

- Алексеев, С.В. (2000) Древнейшая летописная хронология.// Историческое обозрение. Вып. 1. М.:
- Видукинд Корвейский (1975). Деяния саксов. Памятники средневековой истории народов центральной и восточной Европы. М:
- Гедеонов, С.А. (1876) Варяги и Русь: в 2-х частях. СПб.:
- Данилевский, И.Н. (1993) Библия и Повесть временных лет. К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. №1.
- Иларион, митрополит Киевский (1990). Слово о Законе и Благодати // Златоуструй. Древняя Русь X-XIII веков. М.:
- Кирпичников, А.Н. (1997).«Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.:
- Ключевский, В. О. (1983) Неопубликованные произведения. М.:
- Кондратьева, О.А. (1997) Древнерусские гребни IX- XI вв.: местное производство и общеевропейские традиции // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого. 1919-1997. Т.1. СПб.:

- Корзухина, Г.Ф. (1971) О некоторых ошибочных положениях и интерпретации материалов Старой Ладogi // Скандинавский сборник. Вып. XVI.. Таллин:
- Куник, А.А. (1862) Замечания к Отрывкам о варяжском вопросе С. Геденова. СПб.:
- Маврикий (1969). Стратегикон. М.:
- Мельникова, Е. А. (2000) Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы.. М.:
- Носов, Е.Н. (1990) Новгородское (Рюриково) городище. Л.:
- Плотникова, О.А. (2010) Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI-XII вв. М.:
- ПСРЛ = Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: 1997; Т.2. Ипатьевская летопись. М.: 1998.
- Прокопий Кесарийский (1998). История войн. М.:
- Седов, В.В. (1999) У истоков восточнославянской государственности. М.: Фроянов, И.Я. (1991) Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. № 6.
- Феофилакт Симокатта (1946). История // Вестник древней истории. № 1.
- Шахматов, А.А. (1904) Сказание о призвании варягов // Известия Общества русского языка и словесности. Т. 9, Вып. 4. СПб.:
- Янин В.Л. (2000) У истоков Новгородской государственности // Вестник РАН. № 8.

Плотникова Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, доцент (кафедра истории Московского гуманитарного университета), заместитель председателя Историко-просветительского общества «Радетель».

Plotnikova Olga Anatolyevna – Doctor of Science (history), Associated Professor (History Department of the Moscow University for the Humanities), Vice-Chairperson of the Historic-Educational Society “Radetel”.

О юных героях войны
Амрахова Г.С.
Of young heroes of War
Amrahova G.S.

Аннотация: Статья посвящена образам юных героев войны в современном массовом сознании, проблеме позитивной и негативной исторической мифологии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, героизм, юные герои, молодежь, исторические мифы, фальсификации истории.

Abstract: This paper is devoted to images of the young heroes of the war in the modern mass perception, the problem of positive and negative historical mythology.

Keywords: The Great Patriotic War, heroism, young heroes, young people, historical myths, falsification of history.

Володя Дубинин, Витя Коробков, Зина Портнова, Леня Голиков, Валя Котик, Марат Козей, Вася Шишковский, Шура Кобер, Витя Хоменко, Муся Пинкензон, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Олег Кошевой, Любка Шевцова и другие... Если сейчас задать вопрос современному школьнику среднего и старшего возраста, кто это, то в подавляющем большинстве случаев мы услышим ответ, что эти имена незнакомы. Кто-то может вспомнить имя Зои Космодемьянской, и то не сможет сказать точно, в какой связи.

Если задать тот же вопрос людям, рожденным в 40-70 годы XX века, то многие уверенно ответят, что это имена пионеров-героев и комсомольцев, которые погибли в годы Великой Отечественной войны. Что же произошло, что разорвалась связь между поколениями в одной стране, что потомки творцов Великой Победы не смогли передать своим правнукам историю своей страны, легендарные страницы мужества и подвига целого народа, который прославил подвиг тех, кто отдал жизнь на Родину?

Здесь мы не будем анализировать причины этих катастрофических трансформаций в сознании людей конца XX – начала XXI века. Они очевидны. Зная российскую историю, мы можем сказать, что такое уже бывало в России. Однако историческая правда всегда всплывала на поверхность и истинные страницы подвига, жертвенности людей в переломные и судьбоносные периоды всегда оставались в веках, возрождаясь, обретая новые черты в позитивных мифах, произведениях искусства, в литературе.

Последние события в мире, в нашей стране ознаменованы кардинальными и глобальными изменениями в мироустройстве. Мы можем воочию наблюдать, что происходит со страной, лишенной исторической памяти, когда политическая конъюнктура превалирует над исторической и культурно-этнической традицией, которая складывалась тысячелетиями. Ранее мы уже пережили подобное при развале СССР в начале 90-х годов XX века, а еще раньше – в 1917 году, при падении Российской Империи, и в последующей Гражданской войне.

Если всмотреться в прошлое, то сходство увидим в периоде дворцовых переворотов 2-й и 3-й четверти XVIII века, и в Смутном времени, гражданской войне начала XVII века.

С некоторой долей оптимизма мы можем сказать, что события последних месяцев на Украине и вхождение Крыма в состав Российской Федерации меняют парадигму развития нашей страны, в том числе и по отношению к нашему историческому прошлому, особенно истории XX века и Великой Отечественной войне.

Сейчас самое время вспомнить не только великие битвы той страшной войны, героический подвиг всего советского народа в тылу, но и вновь обратиться к забытым именам юных героев, пионеров и комсомольцев, которые в последние десятилетия были низвергнуты с пьедестала памяти, облиты грязью и ложью, и в конечном итоге забыты новыми поколениями граждан нашей страны.

Начать нам хотелось бы с подвига Зои Космодемьянской, так как если имена пионеров-героев, как правило, были тихо забыты, – кроме Павлика Морозова, – то подвиг этой комсомолки не раз подвергался ревизии в современной истории России.

Следует отметить, что эта партизанка, член диверсионно-разведывательной группы штаба Западного фронта была первой женщиной, удостоенной звания Героя Советского Союза (посмертно) во время Великой Отечественной войны, через несколько месяцев после казни. Ее казнили через повешение 29 ноября 1941 года в деревне Петрищево (Рузский район Московской области), а 27 января 1942 года в газете «Правда» была опубликована статья Петра Лидова «Таня» (так во время допроса называла себя Зоя) и советский народ узнал о подвиге юной партизанки. А уже 18 февраля 1942 года в той же газете была опубликована новая статья Петра Лидова, где он писал о том, кто скрывался под именем «Таня», о Зое Космодемьянской («Кто была Таня»). А еще несколькими днями раньше, 16 февраля 1942 года, И.В.Сталин подписал Указ о присвоении Зое Космодемьянской звания Героя Советского Союза (посмертно).

До 90-х годов XX века подвиг этой юной партизанки, вчерашней школьницы, не вызывал недоверия общества и не подвергался сомнению. Однако в период перестройки началось прививание новых, либеральных ценностей. Как следствие – изменился взгляд на советский период истории. Герои тех времен, даже герои Великой Отечественной войны, стали жертвами ревизии, несмотря на то, что были еще живы свидетели тех событий. Действия Зои и ее соратников теперь рассматривались не столько как борьба с немецко-фашистскими оккупантами и выполнение Приказа ВГК № 428 от 17 ноября 1941 года, предписывавшего лишить «германскую армию возможности располагаться в сёлах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населённых пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и тёплых убежищ и заставить мёрзнуть под открытым небом», с каковой целью «разрушать и сжигать дотла все насе-

лённые пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог», – а как группы, уничтожавшие дома крестьян в лютой холод, и тем самым лишавшие их крова над головой. Выходило, что урон наносился не столько немцам, сколько советским гражданам. Выносливость и мужество, проявленное Зоей во время допроса и пыток над ней, списывались на ее серьезное психическое заболевание, которое не позволяло ей адекватно реагировать на происходящее. Итак, подвига не было?

Давайте попытаемся взглянуть в прошлое.

Зоя Анатольевна Космодемьянская родилась 13 сентября 1923 года в селе Осино-Гай Гавриловского района Тамбовской области, в семье священника. Дед Зои, священник Знаменской церкви села Осино-Гай Пётр Иоаннович Козьмодемьянский, был схвачен большевиками в ночь на 27 августа 1918 года и после жестоких истязаний утоплен в Сосулинском пруду. Труп его был обнаружен лишь весной 1919 года, священник был похоронен рядом с церковью, закрытой в 1927 году. В 1929 году семья оказалась в Сибири. По некоторым утверждениям, они были сосланы за выступление отца Зои Анатолия Космодемьянского против коллективизации, но, по свидетельству самой Любови Космодемьянской (матери Зои), опубликованному в 1986 году, бежали в Сибирь, спасаясь доноса. В течение года семья жила в селе Шиткино на Бирюсе, однако затем сумела переехать в Москву. В 1933 году отец Зои умер. Мать стала одна воспитывать дочь Зою и сына Александра, который тоже погиб во время Великой Отечественной войны в Земландии при штурме Фирбруденкруга будучи командиром батареи самоходных артиллерийских установок гвардии старший лейтенант. Ему тоже присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

В школе Зоя училась хорошо, особенно увлекалась историей и литературой, мечтала поступить в Литературный институт. Однако, отношения с одноклассниками не всегда складывались самым лучшим образом – в 1938 году её избрали комсомольским группоргом, но вскоре ее переизбрали. В результате у Зои развилась «нервная болезнь». В 1940 году она перенесла острый менингит, после которого проходила реабилитацию (зимой 1940 года) в санатории по нервным болезням в Сокольниках, где подружилась с лежавшим там же писателем Аркадием Гайдаром. Впоследствии этот факт будет использоваться сторонниками версии, будто Зоя была больна шизофренией. Сохранившиеся данные о нервной болезни Зои содержатся в воспоминаниях её одноклассника В. И. Белокуня и матери. Белокунь писал: «Эта история (конфликт с одноклассниками и не переизбрание группоргом) очень подействовала на Зою. Она стала как-то постепенно уходить в себя. Стала менее общительной, больше любила уединение. В 7-м классе за ней ещё чаще стали замечать, как нам казалось, странности... Слишком загадочными были для нас её молчание, всегда задумчивые глаза, а порою некоторая рассеянность. И непонятная Зоя становилась ещё непонятней. В середине года мы узнали от её брата Шуры, что Зоя больна.

Это произвело сильное впечатление на ребят. Решили, что в этом виноваты мы». По словам матери, «Зоя болела нервным заболеванием с 1939 г., когда переходила из 8-го в 9-й класс... У неё... было нервное заболевание по той причине, что её ребята не понимали».

Исследователь М.М. Горинов, опубликовавший в журнале «Отечественная история» статью о Зое, к версии о шизофрении относится скептически. Не отвергая версию о нервной болезни Зои, он обращает внимание, что утверждения врачей о подозрении на шизофрению выражено в «обтекаемой» форме.

В том же году Зоя вернулась в школу и окончила 9-й класс средней школы № 201, несмотря на большое количество пропущенных по болезни занятий.

Когда началась война и немцы вплотную подошли к Москве, 31 октября 1941 года Зоя, в числе 2000 комсомольцев-добровольцев, явилась к месту сбора в кинотеатре «Колизей» и оттуда была доставлена в диверсионную школу, став бойцом разведывательно-диверсионной части, официально носившей название «партизанской части 9903 штаба Западного фронта». После короткого обучения она в составе группы была 4 ноября 1941 года переброшена в район Волоколамска, где группа успешно справилась с минированием дороги.

Во исполнение Приказа ВГК № 428 от 17 ноября 1941 года, о сути которого мы уже писали выше, 18 или 20 ноября командиры диверсионных групп части № 9903 П. С. Проворов (в его группу вошла Зоя) и Б. С. Крайнов получили задание сжечь в течение 5–7 дней 10 населённых пунктов, в их числе деревню Петрищево (Рузский район Московской области). Участники групп имели бутылки с зажигательной смесью, оружие. Выйдя на задание вместе, обе группы (по 10 человек в каждой) попали под обстрел у деревни Головково (в 10 км от Петрищева) и вынуждены были рассеяться, их остатки позже объединились под командованием Бориса Крайнова.

27 ноября в 2 часа ночи Борис Крайнов, Василий Клубков и Зоя Космодемьянская подожгли в Петрищеве три дома (жителей Кареловой, Солнцева и Смирнова), в которых располагались немецкие офицеры и солдаты. При в одном из дворов находились лошади, которые погибли.

О дальнейшем известно, что Крайнов не дождался Зои и Клубкова в условленном месте встречи ушёл, благополучно вернувшись в штаб. Клубков был схвачен и, как было позже выяснено следствием, перевербован немцами (позже расстрелян как предатель). Зоя же, разминувшись с товарищами, решила вернуться в Петрищево и продолжить поджоги.

При попытке поджечь сарай С. А. Свиридова (одного из назначенных немцами стражников) вечером 28 ноября 1941 года, Космодемьянская была замечена хозяином и схвачена подоспевшим немецким патрулем. На допросе она назвалась Таней и не сказала ничего определённого. Раздев догола, её пороли ремнями, затем приставленные к ней часовые на протяжении 4 часов водили её босой, в одном белье, по улице на морозе. Даже немецкий конвой менялся каждые 15 минут во время этой «прогулки». К истязаниям Космодемьянской пытались присоединиться также местные жительницы Солина и Смирнова – те са-

мые погорельцы, чьи дома ранее подожгла партизанская группа (впоследствии они были приговорены к расстрелу).

Утром следующего утра, Зою Космодемьянскую вывели на улицу, где уже была сооружена виселица. На грудь ей повесили табличку с надписью «Поджигатель домов». Для устрашения на казнь собрали всех жителей. Перед смертью истерзанная девушка призывала уничтожить фашистов: «Граждане! Не стойте, не смотрите. Надо помогать воевать Красной Армии, а за мою смерть наши товарищи отомстят немецким фашистам. Советский Союз непобедим и не будет побеждён». Обращаясь к немецким солдатам, Зоя Космодемьянская сказала: «Немецкие солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен. Сколько нас не вешайте, но всех не перевешаете, нас 170 миллионов».

Даже после смерти над телом продолжали глумиться: немцы сорвали с повешенной одежду и в очередной раз надругались над телом, исколов его ножами и отрезав грудь. Отступая, в конце декабря, немцы отдали распоряжение убрать виселицу и похоронить тело за околлицей деревни. Впоследствии Космодемьянская была перезахоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

О подробностях казни мы знаем из «Акта опознания трупа» от 4 февраля 1942 года, который составила комиссия в составе представителей ВЛКСМ, офицеров Красной Армии, представителя РК ВКП(б), сельсовета и жителей села.

В постперестроечный период в 90-е годы XX века, на волне антикоммунистической критики, в печати появилась новая информация о Зое. Как правило, она носила негативный характер. Озвучивались подозрения в невменяемости юной комсомолки. Этим и объяснялась ее стойкость во время садистских допросов. Появились версии, что в деревне Петрищево вообще повесили не Зою, а некую Лилию Азолину. Попытались охарактеризовать действия разведывательно-диверсионного отряда как уничтожение имущества собственного народа – несколько семей лишились зимой крова и у них, соответственно, были основания желать расправы над поджигателем. М.М. Горинов писал по поводу этих публикаций, что в них «отразились некоторые факты биографии Зои Космодемьянской, замалчивавшиеся в советское время, но отразились, как в кривом зеркале, – в чудовищно искажённом виде».

Началом этому пересмотру послужила публикация А. Жовтиса «Уточнения к канонической версии» в «АиФ» №38 за 1991 год. И уже тогда она вызвала неоднозначную реакцию читателей и журналистской среды. Бурная дискуссия по поводу подвига Зои Космодемьянской продолжалась до 2002 года. Была проведена даже повторная эксгумация останков и проведена экспертиза, с целью опознания тела, которая подтвердила правильность официальной версии: в Петрищево погибла Зоя. Ее подвиг был реабилитирован.

Нам не хотелось бы в этой статье подробно описывать все перипетии прошедшей дискуссии. Тем, кто желает подробно ознакомиться с ней, мы советуем обратиться к следующим публикациям: А. Жовтис «Уточнения к канонической версии» («АиФ» №38 1991 г.); «Зоя Космодемьянская: Героиня или сим-

вол?» в рубрике «Обратная связь» («АиФ» №43 1991 г.); В.Кожемяко «Трагедия Зои Космодемьянской. Полвека спустя после гибели эту девушку вновь пытаются и казнят» («Правда», номер от 29.11.1991 г.); И.Осадчий «Имя ее и подвиг ее бессмертен» (газета «Гласность» от 24.09.1997 года); «Та, что назвалась Зоей» (газета «Щит и меч» от 10.09.1998 г.); В.Монахов «Она стала героиней. Он – предателем» («Парламентская газета» от 1999 г.); документы из Центрального архива ФСБ, ранее не опубликованные (газета «Известия» от 02.02.2000 г.); В.Кожемяко «Зою снова казнят» («Правда», номер от 29 и 30 ноября 2001 г.); публикация Е.Сенявской (газета «Патриот» от 26.02.2002 г.); статья «Агент реабилитации не подлежит» (газета «Московский комсомолец» от 09.10.2002 г.).

Социолог С.Г.Кара-Мурза так характеризует феномен подвига Зои Космодемьянской и его последующей мифологизации: «... Читал я лекцию в Бразилии перед обществом психологов. Тему они задали такую: „Технология разрушения образов в ходе перестройки“. Я рассказывал факты, приводил выдержки из газет. А смысл слушатели понимали лучше меня. Особенно их заинтересовала кампания по дискредитации Зои Космодемьянской. Мне задали удивительно точные вопросы о том, кто была Зоя, какая у нее была семья, как она выглядела, в чём была суть её подвига. А потом объяснили, почему именно её образ надо было испоганить – ведь имелось множество других героинь. А дело в том, что она была мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха. И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно её выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И её образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа».

В преддверии 70-ой годовщины Победы в Великой Отечественной войне совсем нелишним будет наше обращение к подвигу совсем юных ее героев. Массовый героизм охватил всю оккупированную территорию Советского Союза, – Украину, Белоруссию, Молдавию, Россию. Ничего удивительного в этом нет – как вели себя оккупанты на захваченной территории, всем известно. Именно этим было порождено широкомасштабное партизанское движение, к которому примыкали многие жители оккупированной территории, в меру своих возможностей, так или иначе ведя подрывную деятельность против захватчиков. Хотя и предателей тоже было много. Были те, кто шел на сотрудничество с немцами и поддерживал организацию новых порядков, выискивал связи местных жителей с советской армией и партизанами, сдавал их немцам, – даже детей.

Начать наш рассказ хотелось бы с подвига Муси Пинкензона, который вместе с родителями жил и учился в Молдавии в городе Бельцы. С раннего детства он проявил особенные способности в музыке: с пяти лет он играл на скрипке. Его отец, Владимир Борисович, был хирургом, поэтому с началом войны работал в госпитале. При приближении немецких войск он с госпиталем и семьей был эвакуирован на Кубань станицу Усть-Лабинскую. Еще во время тяжелой эвакуации и потом в госпитале юный скрипач не раз исполнял для ра-

ненных Чайковского, Паганини, «Катюшу», «Сулико» и др. Линия фронта приблизилась к станице, немецкие войска так быстро продвигались, что госпиталь с ранеными красноармейцами и персоналом не удалось вовремя эвакуировать. За отказ от сотрудничества с немцами вся семья Пинкензона, включая малолетнего сына, и медицинский персонал были арестованы и приговорены к расстрелу. Приговоренных к смерти вывели на берег Кубани. Для устрашения, на расстрел согнали жителей со всей станицы. На глазах Муси были убиты его отец и мать, когда подошла его очередь, он попросил дать ему возможность в последний раз сыграть на скрипке. Просьбу удовлетворили и потрясенные мужеством ребенка жители услышали в предсмертном исполнении мотив «Интернационала». Муся еще играл, когда в него выстрелили, опускаясь на колени в предсмертных конвульсиях, он продолжал сжимать смычок. Эту песню подхватили оставшиеся в живых, она стихла только когда упал последний. В пятидесятые годы в Краснодарском историко-краеведческом музее экспонировалась скульптура умирающего Муси Пинкензона, прижимающего к сердцу скрипку, созданная скульптором А.Лебедевым.

До нас дошла информация о многочисленных подвигах юных героев в период оккупации Украины и Крыма, который тогда был частью России. Например, история Вити Коробкова, жившего в Феодосии, который был расстрелян вместе с отцом за связь с партизанами. До войны он мечтал стать художником, его завораживало море. В день начала войны он ехал отдыхать в Артек. Детей стали экстренно возвращать родителям. Вскоре Феодосию оккупировали фашисты. Вите было тогда 12 лет. Его отец, Михаил Иванович, тайно сотрудничая с подпольем, пошел работать в немецкую типографию. В городе установился оккупационный режим, многих женщин угоняли с детьми в Германию, жителей заставляли очищать порт после бомбежек и делать другие работы. Тогда же Витя решил бежать к партизанам. Но далеко бежать не пришлось, к отцу иногда заходили незнакомые люди и один из них стал интересоваться у Вити, что происходит в порту и на улицах города, где стоят немцы, их машины, орудия. Затем Вите поручали ходить по городу и смотреть за передвижениями немецкой техники, узнавать, где живут высокопоставленные военные. Немцы охотно шли на контакт с приветливым мальчиком, который к тому же немного говорил по-немецки.

Два года Коробковы, отец и сын, снабжали информацией подполье, однако в результате ряда провалов пришлось покинуть город и уйти в партизанский отряд. Теперь Витя с отцом путешествовали по населенным пунктам Крыма и доставляли оперативную информацию о немецких частях, что упрощало их ликвидацию и изгнание. В 1944 году Коробковым пришлось вернуться в Феодосию, где уже на следующий день они были арестованы. Вите было 15 лет, когда после допросов и пыток он был расстрелян. После войны Постановлением Совета Министров РСФСР одному из кораблей Советского флота было присвоено имя Вити Коробкова.

В другом крымском городе, Керчи, известен еще один подвиг юного пионера Володи Дубинина. Отец Володи, Никифор Степанович, с первых дней войны ушел на фронт. Володе было 14 лет. Естественно, его не брали на фронт, куда он стремился сразу после отъезда отца. В конце лета 1941 года немцы начали наступление на Крымский полуостров. Семья Дубининых переселилась к брату отца, который жил в поселке Старый Карантин возле заброшенных каменоломен, и был связан с партизанским подпольем. Под землей в старых каменоломнях создавалась тайная партизанская крепость. После занятия Керчи немцами партизанское подполье не раз совершало успешные вылазки, с целью разрушения военной немецкой инфраструктуры и уничтожения живой силы противника. Среди партизан оказался и Володя Дубинин. Немцы вычислили нахождение партизанского отряда, однако уничтожить его не удалось. Отряд спустился глубоко в шахты каменоломен и началась легендарная осада подземной крепости, которая длилась 50 суток. Немцы забрасывали каменоломни бомбами, заминировали подходы к ним, пытались отравить партизан ядовитым газом, выходы были залиты бетоном и заминированы. Отряд спустился еще ниже. Вот тут и пригодились мальчишки: они были худенькие и гибкие и могли выходить на поверхность через расщелины. Благодаря им отряд знал, что происходит на поверхности.

Однако немцы вычисляли новые лазы и замуровывали их. Вскоре остался лаз, через который мог пройти только Володя Дубинин. Именно он узнал, что немцы решили затопить шахты. Эта информация помогла партизанам вовремя построить подземные дамбы, которые предотвратили полное затопление. Но немцам удалось повредить резервуары с водой, и партизаны, лишившись питьевой воды, страдали от невыносимой жажды. Чтобы спастись было принято решение о выходе Володи на поверхность с целью связи с партизанами Аджимушкайских каменоломен. Накануне 1942 года Володя выбрался на поверхность и в поисках партизанского отряда натолкнулся на советских моряков, которые и освободили полуослепших, голодных людей.

Но, к сожалению, у этой истории тоже нет счастливого конца. Зная заминированную территорию каменоломен, через которую не раз пробирался на волю, Володя вызвался помочь саперам и ошибся. 2 января 1942 года он подорвался на mine. Есть старый советский фильм «Улица младшего сына», который снимался в тех самых каменоломнях, где прятался отряд партизан и который прославляет подвиг Володи Дубинина. После войны Володя Дубинин был награжден посмертно Орденом Красного Знамени.

Следующий наш рассказ об украинских школьниках из города Николаев, которые после прихода немцев согласились работать в немецкой столовой, чтобы выполнять задания партизанского подполья. Это Шура Кобер и Витя Хоменко. С начала оккупации мальчишки самостоятельно вредили немцам, срывая со столбов приказы новых властей, за что предполагался расстрел. За этим занятием их застали знакомая учительница, которая и познакомила их с членом подпольной организации «Николаевский центр». Витя Хоменко знал немецкий

язык, поэтому работая по заданию подполья в немецкой столовой, он прислушивался к разговорам и выуживал важную информацию. Один раз ему удалось перехватить портфель подвыпившего офицера, с находившимся в нем пакетом с важной стратегической информацией. После частичного разгрома подполья, «Николаевский центр» лишился радиопередатчика, поэтому не было возможности передать важнейшую информацию о новых видах вооружения противника, которое перебросили на восточный фронт. Шуре Коберу и Вите Хоменко доверили перейти линию фронта и передать информацию. У самой линии фронта ребят подобрали советские летчики, которые помогли им доставить информацию в Москву. Однако по возвращении юных героев схватили, так как в организации работал провокатор, сдавший немецкому командованию многих не успевших законспирироваться членов тайной организации. Это произошло в ноябре 1942 года. Почти месяц ребят допрашивали, избивали, обещали свободу и счастливую жизнь в Германии. 5 декабря 1942 года юных героев казнили через повешение на глазах горожан.

Посмертно юные разведчики были награждены орденами Отечественной войны I степени. В советский период в городе Николаеве в одном из скверов стоял памятник юным героям. Сейчас нет информации о его нахождении.

Многие пионеры-герои были посмертно награждены правительственными наградами различной степени. Звание Героя Советского Союза посмертно присвоено:

- Зине Портновой, которая с 1943 года служила разведчицей в партизанском отряде им. К.Е.Ворошилова. Работая в немецкой столовой, она с подружкой отравила более ста немцев. Была арестована, во время одного из допросов схватила пистолет и выстрелила в немецкого офицера. Замучена под пытками.

- Лене Голикову, участнику партизанского подполья с 1942 года, участвовавшему в 27 операциях, среди которых: подрыв железнодорожных и шоссейных мостов, автомашин с боеприпасами, уничтожение живой силы противника. Точные обстоятельства гибели неизвестны.

- Марату Козею, который вместе с сестрой сотрудничал с партизанами. Не желая сдаваться в плен в мае 1944 года взорвал себя гранатой вместе с окружившими его немцами. В Минске ему поставлен памятник.

- Вале Котик, связному и разведчику партизанского отряда, в одной из вылазок он лично подорвал броневик, точные обстоятельства гибели неизвестны.

Мы могли бы и далее приводить примеры мужества и жертвенности пионеров-героев. Однако уже на этих примерах видно, что явление это носило массовый характер в годы войны, особенно на оккупированной территории. В советский период имена героев мифологизировались. В каждой школе был пионерский отряд, носивший имя юного героя. Пионеры изучали его биографию, занимались краеведческой работой, встречались с оставшимися очевидцами событий. Конечно, во всем присутствовала идеологическая составляющая. Но она не умаляет подвига, совершенного юными героями. Допустим, на каком-то эта-

пе нашей истории и начался процесс позитивного мифотворчества. Но история любой страны должна иметь своих героев.

Писать о подвигах совсем юных героев Великой Отечественной войны тяжело. Слезы наворачиваются на глаза, когда читаешь об их мужестве, стойкости, смелости и убежденности в правоте своих поступков. Некоторым западным, да и нашим исследователям такое мужество покажется издержками советского воспитания. В поступках юных героев не видят подвига. Кроме того, пытаются обвинить советскую систему, которая вынудила добывать победу даже за счет жизни детей и женщин. Что же, итог действительно – преданность и любовь к своей родине, способность пожертвовать своей жизнью ради Победы. А насколько это «фанатично» и «граничит с безумием» – решать каждому.

Справедливости ради мы должны отметить, что примеры массового героизма простого народа прослеживаются на протяжении всей истории нашего государства, а не только советского периода. Вспомним Первую Мировую войну, Крымскую войну с обороной Севастополя, Отечественную войну 1812 года, подвиг монахов Троице-Сергеевой Лавры и жителей окрестных сел в период Смуты начала XVII века – и многое другое. Уже тогда польским, французским, английским политикам был непонятен призыв русского народа: умереть за русскую землю, за Веру православную, за Царя, но не сдать врагу. И уже тогда это приписывалось дикости, неразвитости и варварству русских.

Поэтому мы и должны знать правду об истории своей страны, – как ее славные, так и трагические, спорные аспекты. Но правда истории не должна умалять героические поступки граждан России. Только так можно сохранить историческую память и заставить уважать себя и свою страну в мире.

Амрахова Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета
Amrahova Galina Sergeevna – Candidate of Science (history), Assoc. Prof., associate professor of History Department of Moscow University for the Humanities.

Проблемы социальной реабилитации индивидов, перенесших инсульт головного мозга в учреждениях здравоохранения

Кокорева М.Е.

**Problems of social rehabilitation of individuals with stroke brain in health care
Kokoreva M.E.¹**

Аннотация: В статье раскрыто понятие «инсульт», выявлены и проанализированы проблемы социальной реабилитации индивидов, перенесших инсульт.

Ключевые слова: инсульт, реабилитация, инвалидность

Abstract: The article covers the concept of "stroke", identified and analysed the problems of rehabilitation of individuals, a history of stroke.

Keywords: stroke, rehabilitation, physical inability

В большинстве развитых стран инсульт занимает первое место среди причин стойкой утраты трудоспособности. Только в России имеется свыше 1 млн. пациентов, перенесших инсульт (Кадыков, Шахпаронова, 2003: 11)

Учитывая возрастающую роль инсульта в структуре заболеваемости и инвалидизации людей не только в России, но и во всем мире, особую значимость приобретают формы оказания социальной реабилитации, позволяющие вернуть пациентов, перенесших инсульт, к труду и полноценной жизни. Уменьшение бремени инсульта для каждого индивида, его семьи и общества в целом является вызовом, стоящим перед системой здравоохранения и научным сообществом.

Всемирная организация здравоохранения выделила сердечно-сосудистые заболевания в особо сложную социально значимую категорию по тяжести заболевания, инвалидизации и смертности. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в Российской Федерации ежегодно регистрируется 500-550 тыс. больных с инсультом, из которых треть (30%) – это люди трудоспособного возраста. В структуре общей смертности населения, тяжести последствий и инвалидизации, очаговые поражения головного мозга занимают одно из первых мест. Смертность после перенесенного инсульта достигает в России 30 – 40% . Из оставшихся в живых возвращается к труду лишь каждый десятый пациент (10 – 15 %), в то время как становятся инвалидами –70 – 80 % . (Аносов, 1978: 255)

Инсульт головного мозга, как правило, является главной причиной не только длительного срока нетрудоспособности, но и полной утраты трудоспособности. Индивиды, перенесшие мозговой инсульт, а особенно молодые – это

¹ По материалам доклада на XXIII Научной конференции аспирантов и докторантов (круглый стол «Молодежь в зеркале социологии»).

наиболее трудный и многочисленный контингент в реабилитационных учреждениях и неврологических стационарах (Белова, 2002: 440).

А это значит, что обучение инвалидов с данным заболеванием требует особого индивидуального подхода и новых методик адаптации и реабилитации. Можно выделить нарушения, которые являются последствиями инсульта головного мозга и приводящие к инвалидности: двигательные (гемипарез, атаксия, нарушение функции ходьбы), языковые (нарушение речи), зрительные, когнитивные, нарушение чувствительности, социальные последствия инсульта.

Проблеме реабилитации посвящены различные научные программы, разработанные Международными организациями – Экономический и социальный совет ООН, Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда (МОТ), А так же Международными неправительственными организациями такими, как Международная ассоциация социального обеспечения, Международная федерация социальных работников и др. (Мошняга, 2000: 206-215)

«Социальную реабилитацию можно определить, как комплекс мер, направленных на восстановление разрушенных или утраченных индивидом общественных связей и отношений вследствие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма (инвалидность), изменения социального статуса (пожилые граждане, беженцы и вынужденные переселенцы, безработные и др.), девиантного поведения личности (несовершеннолетние лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, освободившиеся из мест заключения и т.п.)» (Словарь-справочник, 1997: 327).

«В социальной реабилитации как технологии социальной работы главную роль играет восстановление социального статуса гражданина или группы граждан, которые утратили его в трудной жизненной ситуации. Сюда относятся проблемы, возникшие в связи с безработицей, инвалидностью, миграцией и отбыванием наказания в местах лишения свободы и т. д.» (Социальная реабилитация: Электр. ресурс).

После того как постинсультный больной получил необходимую медицинскую помощь, ему необходима системная и безотлагательная, комплексная реабилитация и адаптация. Такая реабилитация возможна в специализированных центрах в форме стационара, например Государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр патологии речи и нейрореабилитации» Департамент здравоохранения (ГБУЗ «ЦПРН» ДЗМ)

Помощь человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, является необходимым в проведении социальной реабилитации. Это выражается в возвращении, по – возможности, их к активной жизнедеятельности, показа новых перспектив приобретенного социального статуса, выработки чувства собственной необходимости в обществе и уверенности в будущем за свою жизнь.

«Основной целью и конечным результатом процесса социальной реабилитации является развитие в человеке склонности к самостоятельной жизнедея-

тельности, к борьбе с трудностями, способности к сопротивлению отрицательным влияниям среды» (Социальная реабилитация: Электр. ресурс).

Можно отметить, что индивидам, перенесшим инсульт и ставшим инвалидами, необходимо проведение реабилитационных и адаптационных мероприятий, а так же наблюдение врачей, помощи специалистов социальной работы, забота родных и близких. И только совместные усилия врачей, специалистов социальной работы, родных и близких помогут больным после инсульта восстановить полностью или частично нарушенные функции, социальную активность, иногда трудоспособность, улучшить качество жизни.

Отсутствие в штате лечебно-профилактических учреждений специалистов социальной работы объясняет тот факт, что социальную реабилитацию больных осуществляют медицинские работники, которые и так загружены своей работой. Поэтому степень восстановления социальной активности человека и его адаптационных ресурсов является своеобразным итогом медико-социальной работы.

Можно сделать вывод, что вовремя начатая комплексная и правильно организованная медицинская и социальная реабилитация помогает восстановлению индивидов, перенесших данное заболевание, уменьшает развитие рецидивов, а так же может способствовать возврату к труду и полноценной жизни.

Список литературы:

- Аносов, Н.Н. (1978) Инфаркт мозга. / Н.Н Аносов, Б.С. Виленский Л.: Медицина.
- Белова, А.Н. (2002) Шкалы, тесты и опросники в медицинской реабилитации: руководство для врачей и научных работников / А.Н. Белова, О.Н. Щепетова М.: Антидор.
- Кадыков, А. С. (2003) Реабилитация после инсульта / А. С. Кадыков, Н. В. Шахпаронова // Русский медицинский журнал. Том 11. N25. С.1390-1394
- Мошняга, В.П. (2000) Социальное развитие и социальная работа: Международный опыт. М.:
- Словарь-справочник по социальной работе (1997)/ Под ред. д-ра ист. наук проф. Е.И. Холостовой. М.: Юристъ.
- Социальная реабилитация // Википедия – свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>(дата обращения: 03.10.2013 г.).

Кокорева Марина Евгеньевна – аспирантка кафедры социологии Московского гуманитарного университета, специалист социальной работы Центра патологии речи и нейрореабилитации.

Kokoreva Marina Evgenyevna – post-graduate student of Sociology at the Moscow University for the Humanities, Specialist of social work of the Center of speech pathology and neuro-rehabilitation

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Алексеев С.В., Инков А.А. Древняя Русь и тюркские народы в IX-XIII вв.</i>	4
<i>Плотникова О.А. Новгородская Русь</i>	12
<i>Амрахова Т.С. О юных героях войны</i>	25

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Жоқорева М.Е. Проблемы социальной реабилитации индивидов, перенесших инсульт головного мозга в учреждениях здравоохранения</i>	35
---	----

Правила представления рукописей авторами и требования к оформлению представлены на официальном сайте:

http://www.mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/

На сайте также представлены содержание всех выпусков/номеров и полный список публикаций в журнале «Научные труды Московского гуманитарного университета».